

Обособленное имущество и правосубъектность

К. Ю. Ибрагимов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема отсутствия правосубъектности у некоторых обособленных имущественных масс.

В рамках исследования доказана необходимость рассмотрения гражданской правосубъектности в широком и узком смысле. Установлено, что обособленные имущественные массы обладают правосубъектностью в широком смысле, но формально не признаются субъектами. Проанализированы возможные причины непризнания формальной правосубъектности.

Обоснована целесообразность признания правосубъектности некоторых видов обособленных имущественных масс.

Ключевые слова: обособленное имущество, правосубъектность, патримоний, правоспособность, доверительное управление.

Для цитирования: Ибрагимов К. Ю., Обособленное имущество и правосубъектность // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 28–48. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_28. EDN: ХРМХТХ

Asset Partitioning and Legal Personality

Konstantin Y. Ibragimov

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation

The article is devoted to the problem of lack of legal personality of some separate property masses.

The research proves the necessity to consider civil legal personality in a broad and narrow sense. It is established that isolated assets have legal personality in the broad sense, but formally have no legal personality. Possible reasons for non-recognition of formal legal personality are analyzed.

The expediency of recognizing the legal personality of some types of segregated assets is substantiated.

Key words: asset partitioning, legal personality, patrimony, legal capacity, trust management.

For citation: Ibragimov, K. Y. (2024) Obosoblennoe imushchestvo I parvo sub'ektnost' [Asset Partitioning and Legal Personality]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (75). Pp. 28–48. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_1_28. EDN: XPMXTX

Введение

Российское право знает некоторое количество правовых конструкций, связанных с приданием имуществу специфического правового статуса, который выделяет такое имущество из общей имущественной массы лица или группы лиц. Имущественное обособление в большей степени проявляет себя в отношениях с кредиторами, когда в отношении такого имущества формируется самостоятельный пул кредиторов, имеющих к нему приоритетные или исключительные требования. Данный аспект обособления описывается в доктрине через конструкции защитного и подтверждающего обособления [21].

В качестве основного примера при анализе обозначенной проблемы предлагается использовать имущество, обособленное для целей доверительного управления, однако российское право содержит и другие конструкции обособленного имущества, например имущество неправосубъектного крестьянского (фермерского) хозяйства, наследственное имущество в процессе банкротства и имущество инвестиционного товарищества.

Имущественная масса, доступная кредиторам по договорам, заключенным в результате доверительного управления, отличается от доступной как кредиторам управляющего, так и личным кредиторам пайщиков/учредителя управления. Такое положение имущества не только не может быть непротиворечиво объяснено в рамках классических цивилистических конструкций, но и сопряжено с большим количеством сугубо практических проблем, которые в настоящий момент не могут быть однозначно разрешены с точки зрения позитивного права и доктрины.

Приведем лишь некоторые из них: кто является стороной по договору, заключенному в процессе доверительного управления (кому принадлежат права и обязан-

ности, возникающие из такого договора)? Происходит ли перевод долгов при смене управляющей компании паевого инвестиционного фонда? Будет ли происходить смена арендатора при прекращении доверительно-го управления в отношении прав по договору аренды?

В одном из лучших, на наш взгляд, исследований доверительного управления, проведенном О. Р. Зайцевым, проанализировано большое количество проблем, которые связаны с доверительным управлением и убедительно доказано, что предложенная законодателем конструкция не может быть непротиворечиво вписана ни в какую классическую цивилистическую конструкцию без существенных отступлений от неё [10].

Нам представляется странным, что О. Р. Зайцев, не соглашаясь с тем регулированием, которое манифестирует позитивное право, и предлагая возможные пути разрешения доктринальных противоречий, не желает устранить их наиболее очевидным образом – путем наделения такого имущества самостоятельной правосубъектностью. Не предлагают это сделать и другие авторы¹. Далее мы попытаемся обосновать, почему правосубъектность подобных образований должна быть формально признана позитивным правом.

Проблема правосубъектности

В доктрине отсутствует универсальная методика анализа, позволяющая ответить на вопрос о том, какие образования должны или могут быть признаны субъектами гражданского права. На уровне практической юриспруденции вопрос будет решаться в строго пози-

¹ См., например, Ножкин С. А. Правовая природа паевого инвестиционного фонда: дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2012. 159 с.; Остаевич И. О. Гражданско-правовое регулирование деятельности управляющих компаний, осуществляющих доверительное управление закрытыми паевыми инвестиционными фондами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 209 с.; Забжанова О. В. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом: теория и практика правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 217 с.

тивистском ключе – субъектом является только то, что названо таковым законом. Очевидно, что такой подход не позволяет определить правильность самого законодательного решения. Целям научного анализа в большей степени соответствует подход, связанный с поиском каких-либо доюридических признаков явления, которые создают возможность признания тех или иных образований субъектами права.

В рамках настоящего раздела будет обосновано, почему обсуждение проблемы правосубъектности происходит, как правило, в двух разных плоскостях, и поэтому различные ответы на один и тот же вопрос в действительности не противоречат друг другу. Также будет обосновано, что признание правосубъектности какого-то образования позитивным правом может быть или формальным, или фактическим.

Дуализм правосубъектности

Можно обнаружить, что в доктрине при анализе признаков субъекта права происходит смешение признаков социальных (доюридических) и непосредственно юридических, возникающих в силу решений правопорядка. Очевидно, что определения субъекта права, которые предлагают, например, Г. Ф. Шершеневич: «субъекты права – это те центры, юридические точки, к которым нормами объективного права прикрепляются субъективные права» [18, с. 586] и Н. Н. Алексеев: «быть субъектом – значит быть признанной правом самоцелью» [1, с. 84], оба являются верными, хотя и определяют данное понятие совершенно разными способами, приводящими к тому, что определяемые ими множества могут не совпадать.

Плоскость, в рамках которой анализируются доюридические предпосылки, предопределяющие возможность или даже необходимость признания чего-то субъек-

том права, можно считать широким или философским подходом к правосубъектности. Плоскость, в которой анализируются конкретные гражданско-правовые свойства, которыми обладает то или иное явление в правовой сфере, можно считать узким или утилитарным подходом к правосубъектности.

Основания для выделения двух подходов можно усмотреть в работах Г. Кельзена и Г. Радбруха, хотя сами авторы прямо их не выделяли. Отметим, что оба автора согласны с тем, что категория субъекта права является чисто юридической, и поэтому правосубъектность физических и юридических лиц не имеет принципиальных различий: «все лица, как физические, так и юридические, – создание правопорядка. Даже физические лица в строгом смысле являются "юридическими лицами" [14, с. 147].

Правосубъектность в широком смысле

Г. Кельзен, рассматривая правосубъектность в основном в узком смысле, отмечает, что она может рассматриваться и в другом аспекте, связанном с представлением «о независимом в своем бытии от объективного права субъекте права как носителе субъективного права» [12, с. 215]. Такой широкий подход связан с формированием представления о некоторой доюридической сущности, которую позитивное право должно признавать и защищать, чтобы не утратить свой правовой характер. Именно в рамках такого подхода к правосубъектности строятся все исследования естественно-правового характера, когда адепты этого направления пытаются проанализировать наличие доюридической сущности.

Единственным критерием для признания чего-либо субъектом права, на наш взгляд, является признак, фактически выделяемый Г. Радбрухом – наличие у какой-то сущности таких социальных признаков, которые

позволяют правопорядку видеть в некой сущности цель, а не средство [14, с. 146–150]. В качестве такого социального признака многие авторы выделяют наличие воли – он используется в исследованиях, касающихся правосубъектности искусственного интеллекта [15; 17], групп компаний, наследственного и семейного имущества [13]. Некоторые прямо указывают, что способность сущности вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю представляет собой необходимое условие правосубъектности [8, с. 77]. Нам такой подход представляется ошибочным.

Подход к правосубъектности, который предлагает В. В. Груздев, предполагает, что наличие воли является доюридическим свойством, которому правопорядок лишь придает правовое значение: «признание государством правосубъектности означает придание юридических качеств волевой способности лица, образуемой его неотъемлемыми естественными и общественными свойствами» [7, с. 116], из чего должен следовать вывод о том, что субъектами не могут быть такие сущности, у которых отсутствует собственная естественная воля, но в действительности это не так.

Д. О. Османова делает важную оговорку, что для признания правосубъектности необходимо или наличие собственной воли у сущности, или наличие «возможности отождествления такой воли с теми, кто выражает ее вовне» [13]. Именно эта оговорка, на наш взгляд, должна приводить к выводу, что наличие самостоятельной воли не является необходимой доюридической предпосылкой правосубъектности, так как она может быть заменена правовой нормой, устанавливающей суррогат такой воли¹.

¹ Отметим, что данный автор далее в работе непоследовательно руководствуется собственной оговоркой.

Наличие собственной воли лишь определяет набор законодательных решений, необходимых для наделения кого-то правосубъектностью. Н. Н. Алексеев указывает, что отмена законодательного ограничения правоспособности рабов в полной мере восстанавливает значение всех врожденных волевых свойств раба, а отмена же решения о неправосубъектности лежачего наследства сама по себе не придает волевых свойств последнему [1, с. 79]. Аналогичным образом Г. Ф. Шершеневич высказывался о правоспособности животных: если бы государство установило опеку над животными, то никаких препятствий для признания их правосубъектными не было бы [18, с. 579]. Представляется, что действующий правопорядок именно так восполняет правоспособность малолетних детей, иных недееспособных, а также и юридических лиц.

Поэтому более корректно, на наш взгляд, говорить о том, что такая доюридическая сущность для придания ей правосубъектности должна лишь обладать такими свойствами, которые позволяют правопорядку обнаружить интерес, подлежащий защите путем использования конструкции субъекта, и найти такой способ формирования и выражения воли, который будет адекватен тому интересу, который законодатель признает и стремится защитить.

Возможность усмотреть упомянутый интерес во многом зависит от экономического базиса и социально-философских воззрений, которые характерны правопорядку. В настоящий момент подавляющее большинство правопорядков исходят из самоценности каждого человека, вне зависимости от полноты его дееспособности и фактической имущественной самостоятельности, поэтому признание правосубъектности любого человека представляется необходимым. Естественной также представляется самостоятельная правосубъектность объединений лиц.

Вместе с тем в исторической перспективе можно обнаружить примеры влияния социально-культурных факторов на решение вопроса о правосубъектности в широком смысле. Так, в праве Древнего Рима наличие самостоятельного интереса, подлежащего защите, обнаруживалось не на уровне отдельного индивида, а на уровне семьи или даже рода в целом. Отец семейства выступал в качестве лица, действующего в интересах семьи (хотя по мере развития правопорядок начинал постепенно признавать элементы правосубъектности отдельных членов семьи) [11, с. 77–78].

Важно отметить, что обнаруживаемый интерес не всегда обязывает правопорядок к признанию правосубъектности за его носителем. Требования естественного права распространяются только на физических лиц, поэтому в остальных случаях законодатель обладает достаточной широтой усмотрения. Таким образом, обнаружение правопорядком самостоятельного интереса может или обязывать правопорядок к защите такого интереса путем использования конструкции правосубъектности, или просто создавать потенциальную возможность её использования.

Как справедливо отмечает Г. Радбрух: «чтобы стать лицом, необходим индивидуализирующий акт правопорядка» [14, с. 147]. Однако если говорить о правосубъектности в широком смысле, это, на наш взгляд, не обязательно должно означать нормативное закрепление того, что то или иное образование является субъектом – достаточно лишь, чтобы возникало единство комплекса прав и обязанностей. Как указывает в этой связи Г. Кельзен: «Физическое или юридическое лицо, которое «имеет» юридические обязанности и субъективные права (как их носитель), является этими юридическими обязанностями и субъективными правами, т. е. является комплексом обязанностей и прав, единство которых образно выражается

в понятии лица. Лицо является лишь персонификацией этого единства» [12, с. 218].

Иными словами, правосубъектность может быть признана двумя способами: (1) формально, когда правопорядок прямо закрепляет правосубъектность какого-либо образования; (2) фактически, когда правопорядок создает единство комплекса прав и обязанностей. Именно в таком ключе может быть правильно воспринято следующее утверждение В. А. Белова и К. А. Блинковского: «субъектом является не тот, кто таковым прямо назван в законе, а тот, кто обладает чертами субъекта» [3, с. 219].

На наш взгляд, большинство случаев юридического обособления имущества связаны именно с возникновением таких черт субъекта непосредственно на уровне позитивного права, что означает признание правопорядком таких сущностей в качестве субъектов в широком смысле, но не в узком. Данное обстоятельство предопределяет парадоксальное правовое положение этих образований *delegelata*.

В некоторых случаях такое положение может быть связано с идеологическими и культурными особенностями рассматриваемого правопорядка. Иллюстрацией этому утверждению может служить правовое положение государственных предприятий в СССР в период с 30-х по середину 60-х годов XX в., когда они фактически участвовали в гражданском обороте в качестве субъектов, но формально таковыми не признавались [4, с. 23]. Однако, представляется, что в рамках существующего российского правопорядка таких ограничений нет.

Правосубъектность в узком смысле

Г. Кельзен фокусируется на правосубъектности в узком (утилитарном) смысле как вспомогательной категории, облегчающей описание права [12, с. 213] и выражающей

единство комплекса юридических обязанностей и субъективных прав [12, с. 219].

Такой подход перекликается с позицией Б. Виндшейда, который допускал существование бессубъектных прав и обязанностей, возникающих в ситуациях, когда не создается искусственного субъекта путем олицетворения [5, с. 112]. Несмотря на свою необязательность, такой конструкт представляется крайне желательным для удобства работы с юридическим материалом. Б. Виндшейд, среди прочего, указывает, что бессубъектным правам «противится естественное чувство, коренящееся в глубоком влечении к личности, каким проникнута вся человеческая природа. Это чувство и в этом случае ищет для прав и обязанностей субъекта-носителя их и находит его... в искусственном, создаваемом мыслительным процессом воображаемом лице» [5, с. 110–112].

В том же ключе высказывался Л. Эннекцерус: «Соблюдение упомянутых общих интересов требует, чтобы имущество было в течение длительного срока к их услугам. Однако без существенного преобразования нашего частного права это может произойти не иначе, как путем признания прав на это имущество..., следовательно, если хотят привести в соответствие предназначение имущества для целей названных организаций с остальным частным правом, то этого можно достигнуть, только признав эти организации субъектами права» [19, с. 353].

Категория бессубъектных прав иногда встречается в позитивном праве иностранных государств, например будучи прямо закреплена применительно к трасту в Гражданском кодексе Квебека, который гласит: «собственность принадлежит лицам, государству или, в некоторых случаях, принадлежит какой-то цели». Однако нам эта конструкция не кажется удачной. Олицетворение имущества, напротив, представляется крайне удачным

приемом юридической техники, который упрощает описание права и вносит системность в складывающиеся отношения. Более того, существующая по российскому праву необходимость указывать, что доверительный управляющий действует именно в качестве такового, фактически выполняет функцию наименования, которое позволяет кредитору определить доступную ему имущественную массу должника.

В этом контексте уместно обратиться к теории патримония, разработанной Ш. Обри и Ш. Ро. Суть данной теории заключается в том, что патримоний (*patrimoine*) представляет собой единство комплекса прав и обязанностей, при этом такое единство всегда выражается в принадлежности прав и обязанностей одному лицу (юридическому или физическому). Любое лицо всегда имеет патримоний, даже если не имеет никаких прав и обязанностей в определенный момент, но в то же время, оно всегда имеет только один патримоний [20, с. 473].

Поскольку современное французское право содержит примеры институтов, которые не вписываются в оригинальную теорию патримония (фидуция, имущество индивидуального предпринимателя), то некоторые современные исследователи пытаются обосновать их существование через конструкцию обособленного имущества (*patrimoine d'affectation*).

Вместе с тем можно усмотреть известную непоследовательность в трудах французских цивилистов, которые в целом верно интерпретируют теорию имущественного комплекса, указывая, что «если активы и обязательства компании должны быть отделены от активов и обязательств партнеров, то необходимо признать, что появилось новое лицо, которому принадлежат эти активы и обязательства» [23, с. 120]. Упомянутая непоследовательность усматривается в том, что, следуя формальному содержа-

нию закона, те же самые авторы соглашаются с тем, что обособление может происходить иным образом, и обособленное имущество индивидуального предпринимателя новое лицо не образует [23, с. 124]. Нам представляется более верным подход, в соответствии с которым образование автономного имущественного комплекса означает возникновение юридического лица [22, с. 99–100].

Конструкция фиктивной личности позволяет использовать все её преимущества только тогда, когда она признана правом позитивным. Только в таком виде она позволяет упорядочить внутренние отношения участников общности с третьими лицами, для которых указанная общность становится единым центром прикрепления прав и обязанностей. Рассматриваемая конструкция снимает теоретические проблемы, связанные с определением принадлежности прав и обязанностей, ответственностью по обязательствам и управлением обособленным имуществом.

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии теоретических препятствий для признания правом порядком формальной правосубъектности за отдельными формами обособленного имущества, которые в настоящий момент в качестве субъектов права не признаны, хотя на уровне закона представляют собой обособленный комплекс с установленным порядком формирования и выражения воли, определяющей его судьбу (например, имущество, находящееся в доверительном управлении, неправосубъектные массы в банкротстве, имущество инвестиционного товарищества, некоторые континентальные трасы). Вместе с тем некоторые образования лишь внешне образуют обособленный комплекс, не признаны субъектами в широком смысле и не требуют формальной правосубъектности (например имущество простого товарищества, классический траст).

Квасисубъекты

Для обозначения состояния непризнанных субъектов может быть использован термин «квасисубъект», но необходимо уточнить, как следует понимать содержание данного термина и в каких случаях его использование уместно. Представляется неверным распространенный подход, согласно которому «квасисубъект – это определенное правовое явление, за которым на официальном либо доктринальном уровне считается обоснованным признавать отдельные элементы правосубъектности при невозможности придания ему статуса полноценного субъекта права» [17, с. 102].

Данное понятие, в отрыве от контекста работы Е. В. Пономаревой, может быть воспринято как связанное с проведением разграничения на уровне широкого понимания правосубъектности, а именно – наличия/отсутствия доюридических признаков, которые предопределяют возможность признания субъекта права. В действительности автор смешивает доюридические признаки (наличие самостоятельного интереса) и признаки, которые придает сам порядок (возможность самостоятельно осуществлять субъективные права и юридические обязанности; возможность нести юридическую ответственность; обособленность и др.), из-за чего оказывается, что препятствием для правосубъектности являются сами же законодательные решения¹.

Нам представляется более обоснованным использовать понятие квасисубъекта для ситуаций, когда порядок уже создал такое регулирование, которое приводит к появлению у какой-то сущности всех значимых признаков субъекта (единство комплекса прав и обязанностей; порядок выражения воли), но формально не признал за такой сущностью статуса субъекта, т. е. законодатель

¹ Пономарева Е. В. Субъекты и квасисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 10–11.

не применил последний необходимый прием в виде олицетворения. Представляется, что именно в таком значении данный термин используют некоторые авторы [9, с. 263], и именно в таком смысле его употребление уместно, так как он называет интуитивно понятным образом фактическое положение явления, которое скорее представляет собой следствие законодательного недостатка, чем самостоятельный правовой институт.

Юридическое лицо и иные формы правосубъектности

Юридическое лицо может восприниматься в широком смысле: «юридическое лицо – это субъект права, не соответствующий отдельному человеку» [18, с. 579], и в этом смысле признание правосубъектности за любой обособленной имущественной массой, отличной от физического лица, будет означать признание такого имущества юридическим лицом. В то же время юридическое лицо может восприниматься и в узком смысле как институт, установленный гражданским правом с соответствующим нормативным регулированием. Поэтому возникает вопрос: следует ли признавать такие квазисубъекты юридическими лицами или иными субъектами? Нам более удачным представляется второй вариант.

Юридическое лицо является категорией гражданского права (именно в нем конструируются понятие, основные признаки, порядок создания и осуществления деятельности), однако оно также используется в других отраслях права. Поэтому наделение обособленных имущественных масс статусом юридического лица может повлечь за собой необходимость пересмотра уже сложившихся решений в других отраслях права (например, может повлечь изменение налогового режима) и не факт, что такое изменение будет желательным.

Также, вероятно, нет необходимости распространять большое количество норм, касающихся юридических лиц, на квазисубъектные образования, так как многие из них или отличаются более простым устройством и не требуют применения большого количества норм о юридических лицах, или сами по себе достаточно урегулированы, и применение к ним норм о юридических лицах может привести к возникновению противоречий и сложностей.

Существование абстрактного правосубъектного образования в форме, отличной от юридического лица, хоть и не реализовано на уровне отечественного права, но все же в некоторой степени известно ему. Так, например, в ст. 1203 ГК РФ, говорится о личном законе иностранной «организации, не являющейся юридическим лицом». О том, что такие организации признаются субъектами, говорит применение к ним конструкции личного закона.

В праве многих других государств юридическое лицо также является единственной формой существования организаций, которые существуют наравне с физическими лицами и публично-правовыми образованиями. Однако такой подход не является единственно возможным. Так, например, правосубъектные организации без статуса юридического лица существуют в праве КНР. В соответствии со ст. 102 ГК КНР к ним относятся индивидуальные предприниматели, товарищества, профессиональные объединения и др. А. П. Алексеенко указывает на то, что «ключевое отличие данных субъектов от юридических лиц заключается в том, что они не имеют структуры органов управления, а от своего имени могут только заключать сделки» [2, с. 204]. Исследователи предлагают для обозначения статуса таких субъектов использовать термин «субъекты гражданского права третьей категории» [16].

С недавнего времени на нормативном уровне выделение особого субъекта права, отличного от юридического лица, произошло в немецком праве. Введение такого решения было связано с необходимостью разрешения проблемы «частичной правосубъектности» товариществ: «существенное различие между юридическим лицом и правоспособным товариществом кроется не в наличии правоспособности, а в степени правовой независимости товарищества от входящих в него товарищей» [6, с. 128–129]. При этом, как мы понимаем, степень правовой независимости связана не с наличием или отсутствием каких-либо доюридических свойств такого объединения, а именно с теми юридическими свойствами, которыми правопорядок, исходя из политико-правовых соображений, был готов наделить такие объединения.

Заключение

Мы полагаем, что существует только два доюридических условия правосубъектности: (1) наличие у сущности таких социальных свойств, которые позволяют правопорядку усмотреть в ней некий самостоятельный интерес, который должен быть или может быть признан правопорядком; (2) наличие у сущности таких социальных свойств, которые позволяют правопорядку подтвердить наличие у такого субъекта воли, или позволяющих правопорядку установить суррогат такой воли, адекватный защищаемому интересу.

Признание правопорядком правосубъектности какого-либо образования может осуществляться прямо, путем закрепления за какой-либо сущностью статуса субъекта права, или фактически, путем установления такого регулирования, при котором какое-либо имущество обособляется для достижения определенной цели или защиты какого-либо самостоятельного интереса, а в результате

такого обособления происходит возникновение нового единства прав и обязанностей, которое отлично от комплекса других прав и обязанностей, принадлежащих признанным юридическим лицам.

Обособленные имущественные массы, которые образуют единство комплекса прав и обязанностей, целесообразно признавать правосубъектными образованиями, так как это позволяет доктринально обосновать их режим, а также внести большую определённую и предсказуемость в их регулирование. Более правильным представляется признавать их не юридическими лицами, а иными субъектами права, чтобы сохранить специфику их регулирования и избежать необходимости пересмотра существующих решений в других отраслях права.

Список литературы

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права: Классики истории и философии права. – СПб.: С.-Петербург. ун-т. – 1999. – 251 с.
2. Алексеев А. П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 12. – С. 199–211.
3. Белов В. А., Блинковский К. А. Гражданско-правовое регулирование корпоративных отношений с участием гражданско-неправоспособных (не обладающих юридической личностью) организаций // Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Белова – М.: Юрайт, 2024. – С. 190–220.
4. Болдырев В. А. Юридические лица – несобственники в системе субъектов гражданского права: монография / под ред. В. А. Сысоева. – Омск: Омская академия МВД России, 2010. – 340 с.
5. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1. Общая часть. – СПб.: Издание Героглифова и Никифорова, 1874. – 358 с.
6. Горева А. А., Жестовская Д. А. Реформа законодательства о гражданских товариществах в Германии: перевод раздела 16 «Товарищество» Германского гражданского уложения // Вестник экономического правосудия РФ. – 2022. – № 6. – С. 122–153.
7. Груздев В. В. О сущности гражданской правосубъектности // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 2. – С. 113–121.
8. Долинская В. В. К вопросу о развитии системы участников гражданского оборота // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – Т. 15 – № 2 – С. 76–83.
9. Егоров А. В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / под ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. – М.: Статут, 2020. – С. 232–295.

10. Зайцев О. Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом. – М.: Статут, 2007. – 507 с.
11. Ибрагимов К. Ю. Обособленное имущество в римском праве // Российский журнал правовых исследований. – 2023. – Т. 10. – № 2. – С. 74–88.
12. Кельзен Г. Чистое учение о праве. – 2-изд / пер. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. – СПб.: Алеф-Пресс, 2015. – 542 с.
13. Османова Д. О. Правосубъектность отдельных правовых образований // Хозяйство и право. – 2022. – № 12. – С. 3–26.
14. Радбрух Г. Философия права. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 240 с.
15. Уздимаева Н. И., Козуров А. С. Субъект права: основные подходы к пониманию // Контентус. – 2020. – № 4. – С. 135–143.
16. Ха Шуцзюй, НуоДан'тун. О нормативном содержании термина «субъект гражданского права третьей категории» в Китае // Закон. – 2022. – № 9. – С. 74–85.
17. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 12. – С. 94–109.
18. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Выпуск 1. – Изд. Бр. Башмаковых, 1910. – 805 с.
19. Эннекцерус Л., Кипп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. Т. 1. Полутом 1. Введение и общая часть. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1949. – 432 с.
20. Kasirer N. Translating Part of France's Legal Heritage: Aubry and Rau on the Patrimoine // Revue générale de droit. – 2014. – Т. 38. – Translating Part of France's Legal Heritage. – № 2. – С. 453–493.
21. Hansmann H., Kraakman R. H. The Essential Role of Organizational Law // SSRN Electronic Journal. – 2000. URL: <http://www.ssrn.com/abstract=229956>
22. Bailly-Masson C. L'intérêt de la personnalité morale // La Revue des Sciences de Gestion. – 2008. – Vol. 230. – № 2. – С. 99.
23. Chiron G. La personnalité morale des sociétés depuis le XIXe siècle en France, en Allemagne et en Angleterre. Thèse de doctorat. – Paris. 2008.

References

1. Alekseev, N. N. (1999) *Osnovy filosofii prava: Klassiki istoriii filosofii prava* [Foundations of the philosophy of law: Classics of the history and philosophy of law]. St. Petersburg: S.-Petesburg State University. (In Russian).
2. Alekseenko, A. P. (2021) *Kharakternye cherty Grazhdanskogokodeksa KNR [Characteristic Features of the Civil Code of the People's Republic of China]. Aktual'nye problem rossiiskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. Vol. 16. No.12. Pp. 199–211. (In Russian).
3. Belov, V. A., Blinkovskij, K.A. (2024) *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie korporativnykh otnoshenii s uchastiem grazhdansko-nepravosposobnykh (ne obladayushchikh yuridicheskoi lichnost'yu) organizatsii* [Civil regulation of corporate relations involving civilly incompetent (not having legal personality) organizations]. Moscow: Yurait. (In Russian).
4. Boldyrev, V. A. (2010) *Yuridicheskielitsa – nesobstvenniki v sisteme sub'ektov grazhdanskogo prava: monografiya* [Legal entities – non-owners in the system of subjects of civil law: monograph]. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii. (In Russian).

5. Vindsheid, B. (1874) *Uchebnik pandektnogo prava. Tom 1. Obshchayachast'* [The textbook of panic law. Volume 1. General part.]. St. Petersburg: Izdanie Geroglifovai Nikiforova. (In Russian).
6. Goreva, A. A., Zhestovskaya, D. A. (2022) Reforma zakonodatel'stva o grazhdanskikh tovarishchestvakh v Germanii: perevod razdela 16 «Tovarishchestvo» Germanskogo grazhdanskogo ulozheniya [Reform of civil partnership law in Germany: translation of section 16 "Partnership" of the German Civil Code]. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya RF – Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. No. 6. Pp. 122–153. (In Russian).
7. Gruzdev, V. V. (2018) O sushchnosti grazhdanskoi pravosub'ektnosti [On the essence of civil capacity]. *Aktual'nye problem rossiiskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. No. 2. Pp. 113–121. (In Russian).
8. Dolinskaya, V. V. (2015) K voprosu o razvitiy systemy uchastnikov grazhdanskogo oborota [To the question of development of the civil circulation participants system]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the South Ural State University*. Vol. 15. No. 2. Pp. 76–83. (In Russian).
9. Egorov, A. V. (2020) Sovmestnaya sobstvennost' suprugov: napereput'e [Joint property ownership of spouses: At the crossroads]. *Grazhdanskoe parvo sotsial'nogo gosudarstva: Sbornik statei, posvyashchennyi 90-letiyu so dnya rozhdeniya profesora A. L. Makovskogo (1930–2020)* [Civil law of the social state: A collection of papers dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor A. L. Makovskiy (1930–2020)]. Pp. 232–295. (In Russian).
10. Zaitsev, O. R. (2007) *Dogovor doveritel'nogo upravleniya paevym investitsionnym fondom* [Trust management agreement for a mutual investment fund]. Moscow: Statut. (In Russian).
11. Ibragimov, K. Y. (2023) Obosoblennoe imushchestvo v rimskom prave [Assets Partitioning in roman Law]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy – Russian Journal of Legal Research*. Vol. 10. No. 2. Pp. 74–88. (In Russian).
12. Kel'zen, G. (2015) *Chistoe uchenie o prave* [Pure Theory of Law]. St. Petersburg: Alef-Press. (In Russian).
13. Osmanova, D. O. (2022) Pravo sub'ektnost' otidel'nykh pravovykh obrazovaniy [Legal capacity of separate legal structures]. *Khozyaistvo I pravo – Economics and law*. No. 12. Pp. 3–26. (In Russian).
14. Radbrukh, G. (2004) *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
15. Uzdimaeva, N. I., Kozurov, A. S. (2020) Sub'ekt prava: osnovnye podkhody k ponimaniyu [Subject of law: basic approaches to understanding]. *Kontentus – Kontentus*. No. 4. Pp. 135–143. (In Russian).
16. Kha Shutszyui, NyuDan'tun (2022) O normativnom sodержanii termina «sub'ekt grazhdanskogo prava tret'ei kategorii» v Kitae [On the normative content of the term "third category civil law subject" in China]. *Zakon – Zakon*. No. 9. Pp. 74–85. (In Russian).
17. Channov, S. E. (2022) Robot (Sistema iskusstvennogo intellekta) kak sub'ekt (kvazisub'ekt) prava [Robot (Artificial Intelligence System) as a Subject (Quasi-Subject) of Law]. *Aktual'nye problem rossiiskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. No. 12. Pp. 94–109. (In Russian).
18. Shershenevich, G. F. (1910) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: Izdanie Br. Bashmakovykh. (In Russian).
19. Ennektserus, L. (1949) *Kurs germanskogo grazhdanskogo prava* [German civil law course]. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury. (In Russian).

20. Kasirer, N. (2014) Translating Part of France's Legal Heritage: Aubry and Rau on the Patrimoine. *Revue générale de droit. General law review*. Vol. 38. No. 2. Pp. 453–493.

21. Hansmann, H., Kraakman, R. H. The Essential Role of Organizational Law. *SSRN Electronic Journal*. URL: <http://www.ssrn.com/abstract=229956>.

22. Bailly-Masson, C. (2008) L'intérêt de la personnalité morale [The interest of legal personality]. *La Revue des Sciences de Gestion. The Journal of Management Sciences*. Vol. 230. No. 2. P. 99. (In French).

23. Chiron, G. (2008) La personnalité morale des sociétés depuis le XIXe siècle en France, en Allemagne et en Angleterre [The legal entities in France, Germany and England since the 19th century]. (In French).

Об авторе

Ибрагимов Константин Юрьевич, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-7909-5734, e-mail: ibragimovkj@gmail.com

About the author

Konstantin Y. Ibragimov, Postgraduate student, Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-7909-5734, e-mail: ibragimovkj@gmail.com

Поступила в редакцию: 25.02.2024
Принята к публикации: 10.03.2024
Опубликована: 30.03.2024

Received: 25 February 2024
Accepted: 10 March 2024
Published: 30 March 2024